

ПЕРЕДО МНОЙ две книги молодых авторов, выпущенных в одном году и даже одним издательством — издательством «Современник», — «Зерна» В. Крупина и «Три опоры» Г. Николаева. Я положил их вместе не для того, чтобы сравнивать содержание или мастерство, меня тут интересует чисто внешнее обстоятельство: одна книга является первой книгой автора, другая — второй, а каждая из них по-своему отражает начало творческого пути.

Первая книга... Принято считать, что она знаменует и появление писателя. Ой нет, не всегда-то. Как часто даже выдающиеся классики мировой литературы не заявляли о себе первой книгой! Она обычно знаменует всего-навсего появление нового автора, но далеко не каждый-то автор становится писателем.

И тут-то особое значение имеет вторая книга. По второй книге уже можно судить, насколько закономерны успехи, ровно как и прошлые недостатки автора, реальны или мнимы были на него надежды, то есть станет или не станет он писателем. Чаще вторая книга, а не первая, знаменует появление писателя.

В свое время я взял на себя смелость представить В. Крупина читателю, сообщив в предисловии к его книге: «Он обладает своим взглядом, своим отношением, что принято в обиходе называть

несколько подзатасканным словом — самобытностью».

В. Крупин органически связан с жизнью и способен остро замечать то, мимо чего проходят другие. Его признание: «Мои кастальские ключи текут из-под сосны» — не просто красивая фраза, а образное самоосознание. И я рад, что не ошибся в оценке

МОЛОДОСТЬ ХУДОЖНИКА

Крупина, его книга была мгновенно раскуплена, встречена доброжелательно критикой, читатели сообщают, что ждут с нетерпением второй его книги. О второй говорить пока преждевременно, она написана, но проходит сейчас тернистый издательский путь.

Г. Николаев начал раньше Крупина. Его кастальский ключ бьет вовсе не из-под сосны, а из-под мостовой промышленного города. Николаев — инженер, заведовал раньше технической лабораторией на крупнейшем комбинате Сибири. Первая его книга — повесть «Лешка» — тоже была сразу замечена и встречена доброжелательно.

Сын начальника строительного управления попадает на участок, подведомственный его отцу. Отец воспитал в сыне непримиримость ко лжи и подлости. Но Лешка сталкивается с заведомой недобросо-

вестностью, в которой повинны не столько рабочие, сколько его отец, начальственно требующий гонки в ущерб качеству — нужно быстрее сдать объект и отчитаться: сделано! Сын в отчаянии решает бороться в одиночку. Ночная стычка с вынужденным халтурщиком, рабочим с недюжинными способностями и

уголовным складом характера кончается трагической смертью юноши. Уже здесь Николаев выступает как суровый боец против безнравственности — роль трудная, требующая мужества и аналитического мастерства, не каждому начинающему автору она по плечу.

И вот второй сборник Николаева. Увидеть, как автор выдержал экзамен на звание писателя, легко уже потому, что первая повесть входит в новый сборник его составной частью, достаточно ее сопоставить с двумя другими произведениями.

Рассказ «В старом доме». Когда-то в доме жили монахи, последующие перестройки и нововведения не лишили его былой утраты — низкие кельи и в глубоких окнах решетки. Эти решетки душат больного мальчика, лишившегося родителей, живущего с

престарелой бабушкой. Он слабеет... Управдомша отказывается их снять на том лишь основании, что «или всем, или никому», для нее все люди должны иметь одни желания, одинаково чувствовать. А кому-то из жильцов уютно за решетками — не заберутся вору, и вообще они готовы отгородиться от всего мира.

Страдающие за мальчика соседи не могут сломать казенное равнодушие, но они делают нечто большее — вооружают больного ребенка на борьбу. Ножовка вгрызается в прутья решетки, мальчик действует, существование обретает смысл, появляются силы, возвращается здоровье. И тут приходят рабочие с апетиле-новым аппаратом, им приказано снять решетки. Но решетку на окне необходимо оставить — ведь мальчику так важно самому снять ее. Управдомша отказывает и опять на том же основании: «Или всем, или никому!» Так открывается нравственное величие одних и ничтожество других, самоотверженная отзывчивость и казенное равнодушие, равносильное бесчеловечности. Умирает старая бабушка, но мальчик один не остается, о нем есть кому позаботиться.

У дяди Гоши, сапожника, зато его племянник Петр идею дяди воплотил в жизнь — обрел хитрую специальность (шофер!), дом с собакой, домовитую жену. Все есть, казалось, живи да радуйся. Но радоваться можно лишь тогда, когда исполняются желания, а желаний нет, все израсходовано, родить же новые Петр не способен. Повествование «Три опоры» обращено к вечной теме — бездуховности, нищете в благосостоятельности. Право же, вечные темы по плечу только зрелому мастеру. Г. Николаев доказал свою зрелость.

свой философский взгляд: жизнь держится на трех опорах: первая — хитрая специальность, вторая — дом с огородом, с погребом, с конурой для цепной собаки, и третья — жена. Сам дядя Гоша не имел ни жены, ни дома, ни хитрой специальности, так сказать, бескорыстный носитель идеи, теоретик чистой воды.

Зато его племянник Петр идею дяди воплотил в жизнь — обрел хитрую специальность (шофер!), дом с собакой, домовитую жену. Все есть, казалось, живи да радуйся. Но радоваться можно лишь тогда, когда исполняются желания, а желаний нет, все израсходовано, родить же новые Петр не способен. Повествование «Три опоры» обращено к вечной теме — бездуховности, нищете в благосостоятельности. Право же, вечные темы по плечу только зрелому мастеру. Г. Николаев доказал свою зрелость.

ДВЕ КНИГИ, два автора. Крупин скоро выпустит свою вторую книгу, выдержит экзамен на зрелость. И не столкнется с тем, что и Николаев, — с упадком у критики интереса к своему творчеству. Почему? Да потому только, что он для нее уже не новое

имя в литературе. От нового автора ждут новых открытий, радуются, когда эти открытия сбываются, охотно прощают какие-то недостатки — он же начинающий.

Да, плох тот автор, который в следующей книге не проявит себя более проникательным художником, если он по-прежнему будет подмечать

только броские явления, а не более скрытое, не будет глубже проникать, тоньше чувствовать. Скрытое, лишенное внешней эффектности не так-то просто воспринять читателю, нужна профессиональная помощь со стороны людей, специально занимающихся осмыслением литературы. Ошибочно считать, что восприятие художественного произведения — дело чисто индивидуальное: мол, «писатель полисывает, а читатель почитывает» да на ус мотает. Чем глубже произведение, чем значительнее, тем больше оно дает пищи для общественной мысли, требует для понимания усилий более широкого круга специалистов. Труды великих писателей веками объясняют поколениям читателей несметным количеством критиков и литературоведов.

Для автора первой книги достаточно быть просто заме-

ченным, выделенным из числа других. Автор второй книги, если он сделал какой-то шаг вперед, нуждается в более пристальном внимании. Однако он все еще считается начинающим, еще не столько много сделал, чтоб им заинтересовалась серьезная критика. А именно в это-то время он формируется как писатель, именно тут-то ему и нужна квалифицированная помощь со стороны, но на деле нет — штилевая полоса, барахтайся сам, как можешь.

Вторая книга Николаева абсолютно незамеченной не прошла, где-то отметили — выпущена, появилась! Я сделал попытку ее проанализировать, но натолкнулся на полное безразличие — в одном издании мою рецензию держали больше года и... не напечатали.

Могут не согласиться со мной в оценке произведений Николаева, и Крупин может не оправдать моих надежд своей второй книгой, но это не перечеркнет того факта, что мы часто, поприветствовав нового автора, становимся небрежно невнимательны к нему уже тем, что не вглядываемся в его развитие. А эта невнимательность неизбежно сказывается на всей нашей литературе — часто достойное остается незамеченным, а серой продукцией открывается широкая дорога, вместо настоящих духовных ценностей читателю преподносится литературный ширпотреб.

Владимир ТЕНДРЯКОВ.